

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия)

«Ленинград» Игоря Вишневецкого как экспериментальная повесть о войне

Аннотация: В статье предложен комплексный анализ повести И. Вишневецкого «Ленинград» (2010) в качестве самобытного явления современной литературы о войне. Рассмотрены персонажный мир, проблематика, композиция произведения, его связи с эстетикой Серебряного века и принципами орнаментальной прозы. Особое внимание уделено образу героя-художника, его представлениям об искусстве и блокадной современности.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, Серебряный век, орнаментальная проза, психология творчества

I.B. Nichiporov (Moscow, Russia)

Igor Vishnevetsky's "Leningrad" as an Experimental Long-Short Story about War

Abstract: The article offers a comprehensive analysis of I. Vishnevetsky's long-short story "Leningrad" (2010) as an original phenomenon of contemporary literature about the war. The author considers the character world, problems, composition of the work, its connections with the aesthetics of the Silver Age and the principles of ornamental prose. Special attention is paid to the image of the hero-artist, his ideas about art and the blockade of modernity.

Key words: the siege of Leningrad, the Silver Age, ornamental prose, psychology of creativity

Повесть известного поэта и прозаика Игоря Георгиевича Вишневецкого (род. в 1964) «Ленинград» (2010)¹ стала заметным творческим экспериментом в освоении военной темы современной литературой. В «стихопрозаической композиции»² произведения блокадная действительность сентября 1941 – апреля 1942 гг.

¹ Текст произведения приводится по: *Вишневецкий И.* Ленинград // Новый мир. 2010. № 8 (https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/8/leningrad-3.html); *Вишневецкий И.* Незабывтый поэт. Дополнение к «Ленинграду» // Новый мир. 2014. № 1 (https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2014/1/nezabytyj-poet.html).

² *Кужулин И.* Машины зашумевшего времени: <https://www.litmir.me/br/?b=279915&p=108> (дата обращения: 02.07.2020).

увидена в столкновении официальных и вражеских сводок, в проекции на частные судьбы персонажей, их художественные, философские пристрастия, дневниковые записи. Автор опирался на военный опыт родителей, рассказы жившего на оккупированной территории отца, на блокадные документы и воспоминания, на образный мир литературы Серебряного века и даже усматривал в своем тексте «постскрипtum» к «Петербургу» А. Белого: «Когда я писал «Ленинград, я думал о том, как бы стали себя вести герои, подобные героям “Петербурга”, в той ситуации, в которую они поставлены в “Ленинграде”»¹. Выдвижение на авансцену ровесника века Глеба Альфы (Альфани) – выходца из русско-итальянской семьи, научного сотрудника Института истории искусств, поэта, «музыканта по призванию и по типу мышления»², тонкого аналитика прошлого и современности, увлеченно исследующего стихотворения придуманного автором поэта революционной поры Арсения Татищева, – приводит к тому, что, по замечанию писателя, «получился текст монтажный, весь в конфликтных переключках»³, основанный на «соперничестве» и взаимопроникновении документа и художественного образа, поскольку «воображение подпитывается четким и строгим анализом документа и языкового факта. Документ и факт, будучи вставлены в повествование, расцветаются художественностью, домысливаются за пределы поверхностно-осязаемого»⁴.

Пронизанное цитатными отсылками трехчастное повествование («Осень», «Зима», «Весна») подчинено объективной хронологии, при этом являет «смещение временных пластов», здесь герои как будто «говорят языком начала века и живут идеями и эстетическими концепциями этой эпохи»⁵, «как бы наследуют персонажам модернистского романа»⁶, выражают мистическое понимание истории, мыслят о мире «в категориях жизнестроительного мифа» – прежде всего Глеб, который «события блокады... интерпретирует как христологическую мистерию: старый Петербург умирает, а воскресает уже как Ленинград»⁷.

Повесть открывается дневником Глеба Альфы, где деформированный потрясениями блокады городской пейзаж предстает в мифопоэтическом освещении. В искусном совмещении прозаических описаний и белого стиха здесь вырисовывается Медный всадник – сфинкс, «все более увязающий в материальном времени», который «перемещается вслед за именем в область фантомов», где «скоро окажемся все мы». Сам герой, по-обывательски ходивший «смотреть на обложенного мешками с песком и зашитого в доски истукана», озабочен выживанием в замерзающем городе, вдыхает «разреженный, золотой, военный воздух» своей эпохи и обостренно ощущает себя художником, в котором «погибает слагатель каких-нибудь новых – уже «Ленинградских» – песен». В тетради Глеба рефлексия о собственном тексте – «словесном наброске», который «обрастет звуковым мясом,

¹ Игорь Вишневецкий представляет свою повесть «Ленинград» [Интервью]: <https://www.svoboda.org/a/2190398.html> (дата обращения: 02.07.2020).

² «Ленинград» Игоря Вишневецкого: повесть о блокаде, написанная по законам музыкального жанра [Интервью]: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/09/14/otec_skazal_ya_dolzhen_napisat_prozu_o_vojne (дата обращения: 02.07.2020).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Александров Н. Игорь Вишневецкий. Ленинград. М.: Время, 2012: <https://echo.msk.ru/programs/books/936652-echo/> (дата обращения: 02.07.2020).

⁶ Вежлян (Воробьева) Е. Прорвать заграждение: блокада Ленинграда как символ и опыт: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/137_nlo_1_2016/article/11801/ (дата обращения: 02.07.2020).

⁷ Там же.

не задерживаясь на зияньях», обнаруживает причастность символистскому опыту, приметам авангардного письма. В восприятии «леденящей красоты: огнецветного зарева, сахара, плывущего по улицам, запаха сгоревшей муки», «экранный мерцания воздуха», «кровотокающего» города, «залитого солнцем в короне зенитных разрывов» и подобного «реке, сквозь себя проходящей», – «в контрапункте беды» сходятся прошлое и настоящее, творческие поиски героя и явь блокадной поры. «Наслоення созвучий» в воображении Глеба приходят в соприкосновение с ритмами бомбежек, настигавшими «точно каждые два часа», с болезненной телесностью города, его «конвульсиями от ранений», «разломанными телами с белой костью ребер» и даже с «речью» уничтожаемого Ленинграда, который «защищается, говоря враг...», а известие о гибели в зоосаду столетнего слона, который «видел и Пушкина», подкрепляет интуиции о рвущихся связях «с тем блистательным миром».

На остро конфликтном историческом фоне, где официальные сообщения Совинформбюро, статистические сведения о городском населении, смертях, недоеданиях, преступлениях, продуктовых карточках перемежаются с выдержками из печатаемой в Риге оккупационной газеты «Правда», вещающей о «теплом и сердечном приеме» у «германцев», о скором «избавлении» от «последних оков 24-летнего коммунистического тиранства», спекулирующей на идее «возрождения» Санкт-Петербурга, – в «контрапункте вариаций» разворачивается драматичная любовь Глеба и офицерской жены Веры Беклемищевой, запечатленная в авторском слове, дневниках персонажей и – косвенно – в стихах Арсения Татищева.

История требующей все новых жертв любовной страсти Глеба и Веры изначально ассоциируется с болевыми впечатлениями – в «случайной» телесной подробности в виде «содранного треугольника» на спине героини, ее «шрама от... неловкой любви на полу... старой и драной квартиры». «Сметавшая все перегородки близость» персонажей, в которую их обоих «просто влекло потоком», Глебу грозила отречением «от фамилии славного рода поэтов и священников Альфани», Вере – мучительным отмиранием семейных привязанностей. Они прозревают, что «их счастье нерасторжимо сплелось с общим несчастьем», октябрьский ветер встретился с дыханием весны, «вокруг» царили «возрастающее разрушение, война», а «внутри» – «напряжение жизни и ее смыслов». Глебу казалось, что эта вспыхнувшая в блокадном Ленинграде страсть соприродна «новому урагану» истории, в котором на смену «мрачайшей буре тридцатых», безжалостно разметавшей судьбы «комсомольцев литературного, музыкального и прочего призывов», шло время «не словесного, а настоящего обновления», и потому Вера представлялась ему «олицетворением стихии того подлинного, чего Глебу так долго недоставало в удушающе гофманианской атмосфере полу-Петрополя, полу-Ленинграда предвоенного десятилетия».

Ориентируясь на конструктивные принципы орнаментальной прозы 1910-1920-х гг., Вишневецкий строит повествование на рифмовке лейтмотивов, фонетических ассоциаций, спонтанном сопряжении далеких и близких судеб, пространственно-временных и речевых планов. Хотя по преимуществу «этот текст выговорен голосами людей начала сороковых годов»¹, здесь слышатся отзвуки рубежа столетий. В заметках Глеба, высказываниях ученого и поэта Федора Святотопolk-Четвертинского, в цикле «Светозвучие» Татищева 1922 г. оживает «поэ-

¹ Балла О. Человек и его невозможность: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20908/ (дата обращения: 02.07.2020).

тический язык переходной, сразу – послереволюционной эпохи, еще полной трагически прерванным Серебряным веком, который уже – утрата и кровоточащая рана»¹. Восходящая к эстетике орнаментализма А. Белого, Б. Пильняка «поэтика многоязычия» открывает в повести самобытный «способ видеть мир и прожить его, и одно и то же, сказанное в разных стилистических ключах, – никогда не одно и то же»².

В повествовательном пространстве «Ленинграда» письмами, предисториями и воспоминаниями персонажей, бытовыми коллизиями повседневности воссоздано эмпирическое течение частных судеб, в которых преломляется смена эпох. Таковы истории семей Четвертинских, Беклемищевых, предстающие в осмыслении главного героя и сопологающие предреволюционные волнения 10-х гг. с нынешними метаниями и иллюзиями некоторых героев относительно миссии немцев-«европейцев».

Сближение эмпирики и метафизики происходит в мироощущении и текстах Федора Святополк-Четвертинского, творящего «документ» о современности на стыке эпистолярного, дневникового дискурсов, исторического трактата, лингвистической статьи, поэмы. Его идеи о «проникновении индоевропейских смыслов в финно-угорский субстрат», о «пересечениях финно-угорского с балтийским, славянским, германским... обмене словами и смыслами, а потом уже обрядами и товаром, обычаями и верой», о циклических «возвращениях» северной столицы в «исконно болотное состояние» сочетаются с ретроспекциями времен Гражданской войны и зарисовками нынешнего «одичания» города, который «соткался из балтийских мороков» и где Таврический сад превратился «в огромный морг». В блокадных лишениях, неминуемо редуцировавших кругозор до рецептов физического самосохранения, способов «размочить дециметр столярного клея», он пытается разглядеть «обнажение вечной триады мудрости-бесстрашия-труда», «снятие, как накипи, всего остального» и даже, в духе символистской историософии, намечает перспективу постапокалиптического обновления бытия: «Пусть происходящее, мысленно продолжал Четвертинский, приведет к высвобождению – ударом метафорического копья – солнца света, солнца правды. А мое, ваше, общее наше тело даже в гибели, в сокрушении – оттого и не страшных – ляжет в основание нового мира». Показательны в этом плане его тягостные переживания от «совпавшей» с жестокими бомбардировками и обстрелами Пасхальной ночи 1942 г., раздумья об «оболочке культурности» и «откровенном людоедстве» врага: «Немецкая власть не менее безбожна, чем наша, – говорил сам себе Четвертинский, – но с нашей мы разберемся после войны. Эти же только садистически бьют день и ночь по городу, равному которому им самим не выстроить, только медленно душат удавкой голода да заливают кровью улицы – и когда? В день Светлого Воскресения».

В «симфонии» дневников и пересекшихся судеб Глеба и Веры Беклемищевой, в лично воспринимаемой ими географии Ленинграда нашли отражение ее прежняя треснувшая семейная жизнь в «Тьмутаракани на Васильевском» и выстраданный переезд к Глебу на площадь Труда, куда она перебирается в знак «окончательного отвержения довоенных приличий» и где уже «для любви не осталось сил – только грели друг друга».

¹ Балла О. Человек и его невозможность.

² Там же.

Тетрадь Глеба наполняется емкими бытовыми и психологическими зарисовками блокадного города. Здесь «все всё везут на саночках», толпятся на барахолке, ведут незримую «летопись битвы с холодом», ощущают себя «в зените кошмара». К Смоленскому кладбищу устремлялись «бесконечные вереницы похоронных процессий», а «солнца, кстати, не было видно» – «только грохот орудий, вьюга, сверкания по всему горизонту». Всплески народного возмущения в многочасовых очередях, под напором которого милиция «демонстративно отходила в сторону», сменяются тем, что «еще кто-то бодро идет в метель», а «люди, не обращая внимания на пальбу, бредут по Неве – кто куда. Вот он, декабрьский Петрополь». Глубоко прочувствованы Глебом ужас от «брошенных трупов», от отчаяния горожан, живущих «с пустым бесчувственным сердцем, со взглядом, запавшим внутрь», тоска повсеместного оскудения, сквозящего в том, как «встали троллейбусы на покрытом инеем Конногвардейском», как лопнул водопровод и «безостановочно хлещет из гидранта перед Исаакием», как он «начал топить книгами», поскольку «сейчас сама жизнь диктует другую “Войну и мир”... уцелело: немного поэзии (Блок, Арсений Татищев)».

Личная судьба Глеба, разъятая между надеждой на будущую жизнь с беременной от него Верой и смутными известиями о ее гибели на улице, где в разгар людоедства была найдена «свежеотрезанная, необычайно хорошенькая голова молодой женщины», – сплавляется с поколенческим восприятием пройденного пути от революции до нынешней войны. В аписи от 20 апреля 1942 г. он размышляет о себе, в юности наивно «поверившем Революции, приветствовавшем ее как рассвет национально-религиозного освобождения», а в сегодняшнем бедствии усматривает «отрезвляющий удар извне». На пороге небытия Глеб все чаще задумывается о Боге и «кувыркание смятенных бесов», о «снежном Ничто», о роковом взломе «ларца русской жизни» и блокадном Ленинграде как поле «напряжения сил всей России», о том, как «ответить на брошенный мне вызов... внутренне стягиваясь в точку, где временное становилось бесконечным».

Разделяя жизнетворческие стратегии символизма, центральный герой уповает на мистическую силу искусства, заключающего потенциал преобразования частного и вселенского существования. Он воскрешает в творческой памяти, комментирует и прилагает к современности строки из «Светозвучия» Татищева, слагавшиеся осенью 1919 г., когда «ухали орудия где-то возле Гатчины», особенно выделяет «зашифрованное» поэтическое описание похорон А. Блока:

Когда шли мимо Литовского замка,
начал вспыхивать магний,
как если бы ясного августовского солнца
было недостаточно для позора,
каким был окрашен весь ритуал
со времен погребенья разрубленного и быкоголового
бога невской (нильской?) воды:
тело, завернутое в иероглифы песен, —
в землю,
чтобы потом,
когда сроки пройдут,
проплескать
сквозь бьющие воздух созвучья,
сквозь ряды метранпажевых линий
ветром нерукотворных страниц.

Соотнося разделенные двумя десятилетиями эпохи, «Глеб начал по-настоящему осознавать масштабы произошедшего обрушения, в сравнении с которым любая, даже самая невыносимая реальность прошлого выглядела райской. Этой зимой случилось внутреннее крушение человека – полное и безвозвратное, – и на его месте встал кто-то новый, обладающий с прежним насельником прекрасного города только паспортными данными». Для Глеба Татищев отчасти олицетворяет собой блоковский художественный опыт, его «Светозвучие» было создано как «молитва, как заговор от подступавших бед, и как таковой, цикл поразителен, ибо ни разу не превращается в нечто прямолинейное, не теряет своей суггестивной силы», хотя все же «татищевский... голос в поэзии был, в отличие от пророческого блоковского, одновременно хрупким и сильным, изощренным и предельно простым».

Посреди блокадных испытаний, преодолевая физическую немощь и «сознание в тисках катастрофы», Глеб «начал писать арию», принялся сочинять «что-то вроде стихов, как бы музыку», словно заклина «бездну реальную», что «разверзлась внутри и вне», и в ритмах сердцебиения, налетов, обстрелов различает «пенье пространства», «музыку Блокады», всматривается в «крылатое светило, ровно льющее свет пространству его сознания», вслед за автором «Светозвучия» постигает взаимообусловленность природного и исторического бытия: «Тусклая красноватость полдневного солнца приобрела в сознании Глеба мистический оттенок. Таким, вероятно, и должно быть светило при окончательно замерзающем, останавливающемся времени».

Рифмовкой лейтмотивов, цитатными вкраплениями, интерференцией «реально или в воображении произошедших событий» сближаются сюжетные линии Глеба и Веры. Если у главного героя жестокие немецкие обстрелы по контрасту пробуждали в памяти полюбившиеся с детства «мелодию и голосоведение... торжествующего гимна» Праздника Пасхи («Да воскреснет Бог...»), то Вера, созерцая чудотворные иконы и мощи святых в запаснике «музея религии и атеизма», исполняется молитвенным настроением, открывает потаенное измерение городской жизни, «советские катакомбы на первобытный манер», «город теней», сокрытый «в полумраке лабиринтов надежды и веры». Ее раздумья перетекают в цитату из обращения Митрофана Воронежского к царю Петру с пророчеством о Казанской иконе как «покрове города» и далее – в развернутый фрагмент акафиста этой иконе. А ее прощальная записка Глебу от 15 февраля 1942 г. созвучна изысканной любовной лирике Серебряного века, напоминает о цветаевских приемах и интонациях:

Знай, что я любила, люблю и буду любить тебя всем сердцем.
Всем небом, пусть и затянутым тучами.
Солнцем, появляющимся только изредка.
Воздухом, снова полным отупляющих снарядных разрывов.
Я люблю тебя слепящим, саванным снегом, разделяющим нас.
Я люблю тебя смертью.
Всей надеждой на жизнь – и не мою только.

Итак, повесть И. Вишневецкого «Ленинград» примечательна экстраполяцией модернистской житнетворческой мифологии, импульсов культуры Серебряного века на блокадный исторический материал, «интересом к блокаде как к... этапу петербургского текста и петербургского мифа»¹. Развивая принципы орнаменталь-

¹ Барскова П. Визит в город: актуальное искусство и блокадный архив: <http://os.colta.ru/literature/events/details/17912/page1/> (дата обращения: 02.07.2020).

ного письма, автор на ограниченном временном отрезке представил мир блокадного Ленинграда как разноуровневую антропологическую, историческую, природно-космическую реальность, насыщенную голосами прошлых эпох, многими протяженными и случайно оборвавшимися судьбами, вследствие чего «представленные на страницах лица доживают до точки и растворяются в неизвестности»¹. Повествование выстроено вокруг истории о художнике, соединяющей «текст жизни» с «текстом искусства» и возводящей повседневные коллизии к таинственной рифмовке стихий Города, Реки, Смерти, к Музыка как первооснове бытия: «Музыка уходит в подземное, а оно разрастается душным пожаром, заслоняя видимый свет. Так вот – оно называется “Ленинград”. Именно так: Ленинград».

ЛИТЕРАТУРА

Вишневецкий И. Ленинград // Новый мир. 2010. № 8 (https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/8/leningrad-3.html).

Вишневецкий И. Незабывтый поэт. Дополнение к «Ленинграду» // Новый мир. 2014. № 1 (https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2014/1/nezabytyj-poet.html).

Игорь Вишневецкий представляет свою повесть «Ленинград» [Интервью]: <https://www.svoboda.org/a/2190398.html> (дата обращения: 02.07.2020).

«Ленинград» Игоря Вишневецкого: повесть о блокаде, написанная по законам музыкального жанра [Интервью]: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/09/14/otec_skazal_ya_dolzhen_napisat_prozu_o_vojne (дата обращения: 02.07.2020).

Игорь Вишневецкий: для чего и как я написал «Ленинград» [Интервью]: <https://www.topos.ru/article/7308> (дата обращения: 02.07.2020).

Александров Н. Игорь Вишневецкий. Ленинград. М.: Время, 2012: <https://echo.msk.ru/programs/books/936652-echo/> (дата обращения: 02.07.2020).

Балла О. Человек и его невозможность: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20908/ (дата обращения: 02.07.2020).

Барскова П. Визит в город: актуальное искусство и блокадный архив: <http://os.colta.ru/literature/events/details/17912/page1/> (дата обращения: 02.07.2020).

Вежлян (Воробьева) Е. Прорвать заграждение: блокада Ленинграда как символ и опыт: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/137_nlo_1_2016/article/11801/ (дата обращения: 02.07.2020).

Кукулин И. Машины зашумевшего времени: <https://www.litmir.me/br/?b=279915&p=108> (дата обращения: 02.07.2020).

Трунин К. Игорь Вишневецкий «Ленинград» (2010): <http://trounin.ru/vishnevetsky10/> (дата обращения: 02.07.2020).

REFERENCES

Vishnevetsky I. Leningrad. *Novy Mir*. 2010. No 8 (https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/8/leningrad-3.html).

Vishnevetsky I. Unforgettable Poet. Supplement to “Leningrad”. *Novy Mir*. 2014. No 1 (https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2014/1/nezabytyj-poet.html).

Igor Vishnevetsky Presents His Long-Short Story “Leningrad” [Interview]: <https://www.svoboda.org/a/2190398.html> (date accessed: 02.07.2020).

¹ *Трунин К.* Игорь Вишневецкий «Ленинград» (2010): <http://trounin.ru/vishnevetsky10/> (дата обращения: 02.07.2020).

“Leningrad” by Igor Vishnevetsky: A Story about the Blockade, Written according to the Laws of the Musical Genre [Interview]: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/09/14/otec_skazal_ya_dolzhen_napisat_prozu_o_vojne (date accessed: 02.07.2020).

Igor Vishnevetsky: Why and How I Wrote “Leningrad” [Interview]: <https://www.topos.ru/article/7308> (date accessed: 02.07.2020).

Alexandrov N. Igor Vishnevetsky. Leningrad. M., Vremya, 2012: <https://echo.msk.ru/programs/books/936652-echo/> (date accessed: 02.07.2020).

Balla O. Man and His Impossibility: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20908/ (date accessed: 02.07.2020).

Barskova P. Visit to the City: Actual Art and the Blockade Archive: <http://os.colta.ru/literature/events/details/17912/page1/> (date accessed: 02.07.2020).

Vezhlyan (Vorobyova) E. Break the Barrier: The Siege of Leningrad as a Symbol and Experience: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/137_nlo_1_2016/article/11801/ (date accessed: 02.07.2020).

Kukulin I. Machines of Noisy Time: <https://www.litmir.me/br/?b=279915&p=108> (date accessed: 02.07.2020).

Trunin K. Igor Vishnevetsky “Leningrad” (2010): <http://trounin.ru/vishnevetsky10/> (date accessed: 02.07.2020).

Сведения об авторе:

Илья Борисович Ничипоров,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ilya B. Nichiporov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
il-boris@yandex.ru